

Самоубийцы / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Самоубийцы / рассказ САМОУБИЙЦЫ

Жоржу Леграну

Не проходит и дня, чтобы в какой-нибудь газете, в отделе происшествий, нельзя было прочитать следующих строк:

«В ночь со среды на четверг квартиранты дома № 40 по... улице были разбужены двумя выстрелами, последовавшими один за другим. Шум исходил из квартиры, занимаемой г-ном Х... Когда дверь была взломана, хозяина квартиры нашли плавающим в луже крови, с револьвером в руке, которым он и убил себя.

Г-ну Х... было пятьдесят семь лет, он располагал хорошим состоянием и имел все необходимое, чтобы быть счастливым. Причина, толкнувшая его на роковое решение, неизвестна».

Какая глубокая скорбь, какие сердечные муки, затаенные горести, жгучие раны толкают на самоубийство этих счастливых людей? И вот начинают искать причины, выдумывают любовные драмы, подозревают разорение и, так как ничего определенного не находят, заносят такие смерти под рубрику «Тайна».

В наши руки попало письмо, найденное на столе одного из таких «беспричинно покончивших с собой», написанное им в последнюю ночь, когда пистолет уже был заряжен. Мы считаем это письмо весьма интересным. В нем не говорится ни об одной из тех крупных катастроф, которые постоянно ищешь в основе подобных отчаянных поступков, но оно рассказывает о медленном чередовании мелких жизненных невзгод, о роковом разрушении одинокой жизни, растерявшей былые мечты; оно объясняет причину многих трагических развязок, которую поймут лишь нервные и впечатлительные люди. Вот оно:

«Сейчас полночь. Закончив это письмо, я убью себя. Почему? Попытаюсь ответить — не тем, кто будет читать эти строки, а самому себе, чтобы укрепить свое слабеющее мужество и

хорошенько проникнуться роковой необходимостью этого поступка, который я мог бы только отсрочить.

Родители, воспитавшие меня, были простые люди, верившие решительно всему. И я стал верить, как они.

Сон мой длился долго. Только сейчас разлетелись его последние обрывки.

Уже несколько лет со мною происходит что-то необыкновенное. Все проявления бытия, ярко сверкавшие, бывало, перед моими глазами, как будто поблекли. Смысл всех вещей предстал мне во всей своей грубой реальности, а истинная природа любви внушила мне отвращение даже к поэзии ласк.

Мы – вечные игрушки все обновляющихся иллюзий, бессмысленных и очаровательных.

По мере того как я старел, я примирялся с ужасной скудостью всего существующего, с бесплодностью усилий, с тщетой ожиданий, как вдруг сегодня вечером, после обеда, это ничтожество всего сущего озарилось для меня новым светом.

Прежде я был жизнерадостен! Все меня очаровывало: проходящие женщины, вид улиц, места, где я жил, я даже интересовался покроем платья. Но повторение одних и тех же впечатлений в конце концов наполнило мое сердце усталостью и скукой; так случилось бы с человеком, который каждый вечер смотрел бы все тот же спектакль.

Вот уже тридцать лет я ежедневно встаю в один и тот же час и вот уже тридцать лет ем в одном и том же ресторане, все в те же часы, все те же блюда, подаваемые разными лакеями.

Я попробовал путешествовать. Одиночество, которое испытываешь в незнакомых местах, испугало меня. Я почувствовал себя таким заброшенным и таким маленьким, что поспешил вернуться домой.

Но неизменный вид моей мебели, в течение тридцати лет не сдвигавшейся с места, изношенность моих кресел, которые я помнил еще новыми, запах моей квартиры (ведь всякое жилище со временем приобретает особый запах) вызвали у меня отвращение к привычному укладу жизни, и я испытывал приступы черной меланхолии.

Все повторяется, повторяется беспрестанно и уныло. Самый жест, которым я вставляю ключ в замочную скважину, возвращаясь

домой, место, где всегда лежат спички, первый взгляд, которым я окидываю комнату при вспышке фосфора, вызывают во мне желание выброситься в окно и покончить с монотонностью этих явлений, от которых нам никогда не избавиться.

Каждый день во время бриться я испытываю неодолимое желание перерезать себе горло; лицо мое в зеркале, с намыленными щеками, вечно одно и то же, не раз заставляло меня плакать от тоски.

Я даже не могу больше видеться с людьми, которых прежде встречал с удовольствием, до того я знаю их, до того мне наперед известно, что они скажут и что я им отвечу, до того мне знаком шаблон их неизменных мыслей, их рассуждений. Человеческий мозг подобен цирковой арене, где вечно кружится бедная лошадь. Каковы бы ни были наши усилия, наши окольные пути, наши попытки вырваться – предел их ограничен, они стоят перед нами ровным барьером: ни неожиданных выступов, ни выхода в неизвестное. Приходится вращаться, вечно вращаться в кругу тех же мыслей, тех же радостей, тех же шуток, тех же привычек, тех же верований и того же отвращения.

Сегодня вечером был ужасный туман. Он заволакивал бульвары, где потускневшие газовые фонари казались коптящими свечами. Какая-то тяжесть сильнее обычного сгибала мне плечи. Быть может, от несварения желудка.

Ведь хорошее пищеварение – все в жизни. Оно вызывает вдохновение у художника, любовные желания у молодых людей, ясные мысли у философов, радость жизни у всех на свете и оно позволяет есть вволю, а это тоже величайшее счастье. Больной желудок приводит к скептицизму, к неверию, порождает мрачные сновидения и желание смерти. Я очень часто замечал это. Может быть, я и не покончил бы с собой, если бы у меня сегодня вечером хорошо варил желудок.

Когда я сел в кресло, в которое сажусь ежедневно вот уже тридцать лет, и бросил взгляд вокруг, меня охватила такая безысходная тоска, что, казалось, я был близок к сумасшествию. Я стал придумывать, что бы такое сделать, чтобы уйти от самого себя. Но всякое занятие ужасало меня, как нечто еще более отвратительное, чем бездействие. Тогда я вздумал навести

порядок в своих бумагах.

Уже давно намеревался я произвести расчистку своих ящиков, потому что вот уже тридцать лет бросаю как попало в один и тот же стол письма и счета, и беспорядок такого смешения часто доставлял мне много неудобств. Но я всегда испытываю такую моральную и физическую усталость при одной мысли привести что-либо в порядок, что у меня никогда не хватало духа приняться за эту противную работу.

Итак, я сел за письменный стол и открыл его, собираясь разобрать старые бумаги и большую часть их уничтожить.

Сначала меня смутил вид груды пожелтевших листков, затем я взял один из них.

Ах, не прикасайтесь никогда к вашему столу, кладбищу былой переписки, если только вам дорога жизнь! Если же вы нечаянно откроете его, хватайте в охапку все письма, которые в нем находятся, закройте глаза, чтобы не прочитать ни единого слова, чтобы какой-нибудь забытый вами и вдруг снова узнанный почерк не бросил вас вдруг в океан воспоминаний; швырните в огонь эти смертоносные бумаги и, когда они превратятся в пепел, изотрите их в мельчайшую пыль... иначе вы погибнете... как погиб я час тому назад!

Первые письма, перечитанные мною, не возбудили во мне никакого интереса. Они были, впрочем, совсем недавние – от людей, еще здравствующих, с которыми я еще довольно часто встречаюсь и которые меня ничуть не трогают. Но вдруг один конверт заставил меня вздрогнуть. Крупным размашистым почерком на нем было выведено мое имя, и сразу же слезы подступили к моим глазам. Это письмо было от моего самого близкого друга, товарища моей юности, поверенного моих надежд; он так ясно предстал передо мной со своей добродушной улыбкой, с протянутой ко мне рукой, что меня всего охватила дрожь. Да, да, мертвые возвращаются, ибо я его видел! Наша память – мир более совершенный, чем вселенная: она возвращает жизнь тем, кто уже не существует!

Руки мои дрожали и взор затуманился, когда я перечел все, что он писал мне, и я почувствовал такую мучительную боль в своем несчастном, содрогающемся от рыданий сердце, что застонал, как будто мне выламывали руки и ноги.

И тогда я поднялся к истокам моей жизни, как поднимаются вверх по реке. Я увидел давным-давно забытых людей, чьи имена я даже и не помню. Лишь облик их еще жил во мне. В письмах моей матери передо мною вновь возникли старые слуги, внешний вид нашего дома и все те незначительные мелочи, на которых останавливается детский ум.

Да, я вдруг увидел вновь все прежние платья моей матери, все изменения в ее облике, вносимые модой и новыми прическами, которые она носила. Особенно настойчиво представлялась мне она в одном шелковом платье со старинными разводами, и я вспомнил слова, сказанные однажды ею, когда на ней было это платье: «Робер, дитя мое, если ты не будешь держаться прямо, то станешь горбатым на всю жизнь».

Затем, открыв другой ящик, я внезапно очутился перед своими любовными сувенирами: бальной туфлей, разорванным носовым платком, подвязкой, прядью волос и засохшими цветами. И чудесные романы моей жизни, героини которых еще живы и теперь совсем уже поседели, погрузили меня в горькую тоску о том, что утрачено навсегда. О, юные головки с золотистыми локонами, ласка руки, говорящий взгляд, бьющееся сердце, улыбка, уста, обещающие объятия!.. И первый поцелуй... этот бесконечный поцелуй, от которого смыкаются веки и все мысли растворяются в неизмеримом блаженстве скорого обладания!

Схватив руками эти старые залогом былой любви, я покрыл их безумными поцелуями, и в моей измученной воспоминаниями душе я вновь пережил часы разлуки и испытал более жестокую пытку, чем все муки ада, изобретенные когда-либо человеческим воображением.

Оставалось последнее письмо. Я написал его сам пятьдесят лет тому назад под диктовку старого учителя чистописания. Вот оно:

«Милая мамочка,

Сегодня мне исполнилось семь лет. Это уже сознательный возраст, и я пользуюсь случаем поблагодарить тебя за то, что ты дала мне жизнь.

Твой маленький обожающий тебя сын Робер».

Все было кончено. Я дошел до истоков и внезапно оглянулся на остаток своих дней. Я увидел отвратительную и одинокую старость, надвигающиеся болезни и конец, конец, конец всему! И никого подле меня!

Револьвер здесь на столе... я взвожу курок... Никогда не перечитывайте старых писем».

Вот как кончают с собой многие люди, в жизни которых тщетно доискиваются потом какого-нибудь большого горя.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 17 апреля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод О.Лавровой. Neкаýalar